

видов: естественные (развращенность и адюльтер) (с. 71—74) и неестественные, т. е. относящиеся к разряду сексуальных извращений (гомосексуализм, общение с животными и т. д.) (с. 71, 74—80). Автор тонко подмечает, что ни известная распущенность нравов, особенно характерная для верхушки византийского общества XII в., ни сексуальные предпочтения, противные природе, не были предметом особого осуждения византийцев. То, что действительно их заботило — это строгость, проявляемая при заключении брака, ибо только это гарантировало соблюдение существующего социального порядка, в частности имущественных прав законных наследников (с. 88—89).

В главе IV "Брак и постриг" (с. 113—136) рассматривается проблема пострижения в сан одного из супругов (чаще всего женщин) как формы расторжения брака. Особенности матримонимальных отношений в XI—XIII вв. сказались, по мнению А. Лайу, и в этой сфере, ибо в эту эпоху принудительное пострижение в сан или заключение в монастырь являлось одним из проявлений матримонимальной стратегии, позволявшей осуществлять контроль над брачными союзами (с. 129).

Глава V "Родство и имущество" (с. 137—185) посвящена проблеме наследования семейной собственности. Автор показывает здесь, что в Византии круг наследников пытались сузить, ограничив его в большинстве случаев правами родственников в четвертом колене (подобно

тому, как патриарх Сисинний рассматривал легитимность брачного союза). Вместе с тем известны случаи, когда права наследования распространялись и на более дальних родственников вплоть до седьмого колена. Иными словами, подчеркивает исследовательница, матримонимальная стратегия знати и право наследования находились в очень тесной связи. Политика заключения нескольких браков между представителями одних и тех же семей приводила к укреплению не только социально-политического статуса, но и экономического положения отдельных аристократических кланов, против чего и была направлена деятельность церкви, стремившейся запретить браки между родственниками вплоть до седьмого колена (с. 170—171).

Нельзя не отметить высокую научную значимость содержащихся в приложении к этой главе монографии (с. 172—185) новых публикаций А. Лайу 81 и 84-го постановлений Димитрия Хоматяна, а также ее издания Комментария к Новелле Романа Лакапина о праве первенства при покупке, находящегося в кодексе Paris. Gr. 1355.

Свободное владение материалом источников и литературы вопроса в сочетании с оригинальностью подхода к теме и своеобразием метода исследования помогло создать А. Лайу труд, который, несомненно, явится важным вкладом в изучение проблемы семьи и собственности в Византии.

А.А. Чекалова

Иева А. Frankish Morea. (1205-1262). Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens: Historical Publications S.D.Basilopoulos, 1991. 309 pp.

История крестовых походов вот уже два столетия привлекает внимание исследователей. Деяния крестоносцев вдохновляли многих средневековых хронистов, философов, поэтов. Удивительным магнетизмом эта эпоха наполнена и поныне. И по сей день исследователи продолжают обращаться к истории крестовых походов и открывать все новые ее стороны. Несмотря на то, что историография крестовых походов весьма обширна, эта тема отнюдь не исчерпана. Первостепенная задача современных исследователей — изучение государств, созданных крестоносцами на Востоке, их места и роли в самобытной и совершенно непохожей на европейскую обстановке Ближнего Востока и Византии. Так или иначе крестоносцы оставили большой след на византийской земле и многое принесли оттуда в Европу. Может быть поэтому история

крестовых походов, овеянная романтическими легендами и воспетая трубадурами, открывающая по сути новую эпоху в истории самой Европы, столь привлекательна и для современного человека.

В этой связи примечательно появление монографии болгарской исследовательницы А. Илиевой "Франкская Морей: социо-культурное взаимодействие между франками и местным населением", в которой изучается история одного из основных государств крестоносцев — Морейского княжества в 1205—1262 гг. Хронологически исследование охватывает период от начала истории государства (осень 1204 г.) до момента возвращения на Пелопоннес византийцев (1262 г.), а не всю историю Морейского княжества (1204—1432). Именно к середине XIII в. Морейское государство достигло зенита своего развития. Существование на

полуострове двух различных государственных структур: византийской и франкской, — делает, по мнению автора, случай Мореи особенно интересным (с. 26-27).

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, снабжена библиографическим указателем и индексом имен. Имеется также краткое изложение содержания книги на греческом языке.

Встреча франкского и местного населения после осени 1204 г. рассматривается в работе под различными углами зрения: борьба греков против завоевателей и их сосуществование, взаимодействие цивилизаций и неприятие культуры и конфессии друг друга, экономико-административное сотрудничество и конфискация земли и имущества у прежних византийских магнатов и монастырей, адаптация завоевателей в новых природно-климатических и геополитических условиях и создание на византийской земле "Новой Франции". Отправными точками исследования являются две: 1) интерес к так называемому "озападничанию" Византии в XII в.; 2) стремление приблизиться к объяснению Палеологовского Ренессанса в Мореи, рассматривая его не только во времени, но и в пространстве (с. 9). Особое внимание уделяется рассмотрению дефиниций между категориями: "общество—культура", "человек—природа—общество", "культура и цивилизация". Учитываются "возможности антропологического подхода к средневековой культуре и применение к ней методов социальной психологии и лингвистики" (с. 10).

Во введении А. Илиева ставит не только задачи исследования, но и подробно объясняет методы и подходы к их решению. Проблема исследования формулируется как "социокультурное взаимодействие между франками и местным населением", а не как "адаптация" франков в пелопоннеской среде. Причины такой формулировки объясняются тем, что "природа адаптации представляет собой приспособление общества как живого организма к среде обитания с целью самосохранения; следовательно, адаптация является первой и основной функцией культуры" (с. 44-45). Категория "взаимодействие" рассматривается именно как "социо-культурная", а не как "взаимодействие цивилизаций, культур, обществ, сообществ и т.д." Этот подход, с точки зрения автора, наиболее оправдан. На первый план выдвигается случай "взаимодействия" между франками и местным населением в условиях почти доминирующего информационного непонимания, при наличии различных христианских информационных систем, основанных на церковной службе, ритуале, рукописной традиции. В данной связи для автора сильно возрастает значение фольклорных, устных информационных систем. А. Илиева считает,

что диалог проходил не между культурами и цивилизациями, а между субъектами культуры и, более того, между особыми социальными структурами, реализованными через культуру. Автор пытается выявить объективные и субъективные аспекты социо-культурного взаимодействия между франкскими рыцарями и византийцами. Завоевание создало самое широкое поле общения, которое должно изучаться с двух сторон: 1) горизонтально, т.е. во временном отношении и "событийном измерении" и 2) вертикально, т.е. это поведение завоевателей и побежденных (с. 45-48).

В главе I "Византийский Пелопоннес в XII в." автор подчеркивает, что человек живет в определенной среде, в определенных природных и климатических условиях, которые влияют на его поведение и характер. Поэтому исследование начинается с изучения природных и географических особенностей Пелопоннеса в целом и каждого отдельного его региона в частности. Поднимаются проблемы исторической географии и "антропо-географических особенностей" полуострова. Автор отмечает, что до 1204 г. Пелопоннес был фактически неведомой для европейцев страной. Единственными портами, куда до этого времени заходили европейские корабли, где можно было встретить латинское население, были Модон и Корон. Именно эти города европейские купцы называют первыми среди тех, которые они посещали в Греции. Это приводит автора к заключению, что до 1204 г. европейцы не обладали детальной информацией о полуострове (с. 76-77). Таким образом, франки по существу открыли Пелопоннес для Западной Европы.

Далее А. Илиева концентрирует внимание читателей на характере и поведении пелопоннесцев во время франкского завоевания. Рассуждая о "воинственности" либо отсутствии таковой у пелопоннесцев, А. Илиева приходит к заключению, что каждый регион имел свои традиции, и в значительной степени "воинственность" местного населения зависела от географической среды и наличия фортификационной системы (с. 79-80). Последнее утверждение однако не кажется беспорным. К моменту франкского завоевания в Византии, и особенно на Пелопоннесе, фактически отсутствовала центральная власть, способная организовать сопротивление завоевателям. Этот момент сама исследовательница прекрасно доказывает. Константинополю, занятому проблемами престолонаследия, раздираемому придворными интригами и дипломатическими играми то с папской курией, то с германским императором и Филиппом Швабским, то с крестоносцами, задушенному финансовыми трудностями и долгами крестоносцам, было не до провинций. Ни военные, ни гражданские

власти, назначенные императором на Пелопоннесе, не могли в таких условиях исполнять свои функции и проводить политику центральной власти. Что касается фортификационной системы, то малопроеходимые и совершенно незнакомые завоевателям горные районы сами могли сыграть роль естественных фортификаций. Как представляется, проблема заключалась не столько в наличии или отсутствии "воинственного духа" у пелопоннесцев, сколько в отсутствии лидера и боеспособного, сплоченного войска, которое можно было бы противопоставить завоевателям. Неудивительно, что последние в 1204—1205 гг. фактически не встретили никакого сопротивления со стороны местного населения, а точнее было бы сказать, со стороны местной власти, и без особого труда покорили полуостров. Горный же ландшафт Пелопоннеса скорее препятствовал, чем способствовал франкскому завоеванию.

В первой главе А. Илиева затрагивает также историю церковной организации Пелопоннеса. Однако эта проблема подробно рассматривается также во второй и третьей главах (с. 145-147; 213-227). Пассажи о церковной организации из двух первых глав, как нам кажется, более органично вписались бы в контекст третьей главы.

Невозможно, на наш взгляд, не согласиться с мнением автора о положительном в целом влиянии венецианской торговли на византийскую, и в частности на пелопоннескую экономику, особенно в аграрной области. Спрос венецианцев на зерно, оливковое масло, лен и другие товары стимулировал сельскохозяйственную активность на полуострове. Венецианские купцы стали своеобразным катализатором для местного крестьянства (с. 101-102). А. Илиева, в то же время, предостерегает от переоценки роли венецианцев в экономической истории полуострова. Они играли существенную, но не доминирующую роль в местной торговле, и контролировали лишь крупную коммерцию с Западом (с. 101). Несомненно, итальянское купечество ориентировало местное сельское хозяйство и производство на спрос международного рынка, что в свою очередь вело к расширению местного рынка и способствовало значительно большей товарности местного хозяйства. Негативные последствия итальянская торговля могла иметь только в случае отсутствия контроля за ней со стороны местной власти, неспособности последней ею управлять. Это правило четко действовало не только в Море, но и в других районах Латинской Романии.

С точки зрения автора, поворотным моментом в истории Византии стало правление Мануила I Комнина (1143—1180). Именно в это время происходит серьезная эволюция прониции (с. 88-90), отмечаются очевидные изменения

в сознании византийцев. Византийская знать стала все более и более смотреть в сторону Запада. Рыцарское поведение, или рыцарский дух, стали визитными карточками для вхождения в аристократическое общество. Сам Мануил был более похож на рыцаря, чем на императора ромеев. Однако автор отмечает и разногласия, которые возникли в византийском обществе по отношению к западноевропейцам, и открытую враждебность византийцев к иностранцам-европейцам (с. 21-22). По исследованию А. Илиевой остается впечатлением, что именно в это время произошел раскол византийского общества на сторонников унии с Западом и партию, ориентированную на союз с сельджуками, которых предпочитали латинянам. Возможно, в это время действительно появляются первые симптомы такого деления, которые, однако, дадут о себе знать позднее: непосредственно перед Четвертым крестовым походом и особенно после восстановления Византии в 1261 г. На наш взгляд, несколько преувеличенно усматривать в Мануиле I Комнине и в византийском обществе западные черты и начинать процесс "озападнивания" с середины XII в. Мануил I Комнин — яркая личность, бесстрашный воин (может быть, в этом проявлялся его рыцарский дух?) мечтал о воссоздании великой империи с великим и единственным императором и единой церковью. Но не имеет ли эта универсалистская идея чисто византийские корни? Против утверждения о повороте Византии лицом к Западу говорит и тот факт, что империя ромеев осталась совершенно безучастной и даже враждебной крестоносному движению. А Илиева также подчеркивает это обстоятельство (с. 23-24).

Во второй главе "Политическое и административное развитие франкской Мореи (1204—1262)" на первый план выходят последствия процесса децентрализации, усилившегося в конце XII в. А. Илиева ясно показывает, что Пелопоннес к моменту франкского завоевания являлся фактически самостоятельной от Константинополя областью, которую реально контролировало не византийское правительство, а семьи Сгуров и Хамаретов (с. 107-125, 135-137). Именно эта особенность политического развития Пелопоннеса, разобщенность и замкнутость местных правителей во многом облегчили задачу крестоносцев — завоевание полуострова (что мы уже отмечали выше). Однако нельзя не признать, что оправившись от первых ударов крестоносцев и от шока, вызванного завоеванием Константинополя, именно местные правители стали организаторами сопротивления завоевателям. Именно поэтому процесс завоевания Пелопоннеса был очень сложным и длительным. А. Илиева выделяет в нем несколько этапов: 1) осень 1204 — весна

1205 г — подчинение Западного Пелопоннеса; 2) 1206—1212 — завоевание опорных крепостей Сгуров и Центрального Пелопоннеса; 3) 1213—1224 — подчинение Лаконии и ослабление позиций Эпира на Пелопоннесе; 4) 1246 — начало последней стадии завоевания, связанной со взятием Монемвасии. Автор высказывает предположение, что осада Монемвасии продолжалась в течение 7 лет и закончилась не в 1248 г., как принято считать, а лишь в 1252 г. (с. 125-141).

Со временем Морей становится "сердцем Романии", а князь Ахейский самым могущественным вассалом Латинской империи, получив титул "сенешаля Романии". В данной связи однако мы не можем не заметить некоторое противоречие в контексте автора. А. Илиева пишет, что Виллардуэн стал прямым вассалом Латинского императора. И здесь же замечается, что признание правителя Морей вассалом Венеции было чисто теоретическим. В конце 1209 — начале 1210 г. Виллардуэн был официально титулован "принцем Ахейским". "Так появилось сравнительно независимое по отношению к его сюзеренам государство, — пишет А. Илиева, — которое просуществовало до середины 1260-х годов." Под чьим же все-таки сюзеренитетом находилась Морей? Или имел место двойной сюзеренитет? Далее автор исследует особенности вассально-ленной системы в Морее (с. 142-144) и вопрос раздела земель византийской церкви (с. 144-145). Здесь исследовательница замечает, что латинская архиепископия впервые была учреждена в Патрах. Возглавлял ее бургундец Антельм между 1207 и 1241/13 гг. (с. 145). Последняя цифра кажется несколько странной. Конечно, мы видим опечатку, которая привносит в текст фактографическую ошибку. Качественно новый период в истории Морейского государства, по мнению А. Илиевой, начинается после битвы при Пелагонии в 1259 г., когда франкское войско было разбито Михаилом VIII Палеологом. Поэтому особое внимание в исследовании уделяется истории битвы при Пелагонии и ее последствиям.

Наиболее интересным и оригинальным исследованием является глава III "Франки и местное население", в которой по-прежнему и решаются задачи, поставленные во введении. Именно в этой части работы четко представлена проблема взаимодействия между франками и византийцами, поведение тех и других в новых условиях, демографический потенциал франкских поселений на Пелопоннесе, земельные отношения, церковная организация и роль духовно-рыцарских орденов в становлении власти завоевателей, наконец, особенности культуры и языка в Морейском княжестве. Проблема греко-латинского симбиоза в государствах Латинской Романии является

достаточно новой в историографии, и исследование А. Илиевой стало весомым вкладом в ее разработку.

Начинается глава с анализа причин успеха крестоносцев во время четвертого крестового похода. Среди них немалое место занимало воспитание детей, ставших в начале XIII в. крестоносцами. Автор подчеркивает, что в XII столетии во многих западноевропейских семьях бережно хранили традиции крестовых походов; в литературе воспевались слава и героизм античных героев, особенно троянцев. Возникло желание им подражать. Рыцарь как бы получал возможность реализовать это желание, приняв участие в крестовом походе. Подобные представления сильно влияли на формирование сознания человека. Психологически западноевропейский рыцарь был готов стать крестоносцем. С точки зрения психологии и менталитета оправданным оказывается и взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г., ибо это не было завоевание христианского города, а лишь наказание греков и их расплата за беззаконие и вероломство, которое они допустили по отношению к троянцам (с. 155-164).

Исследуя проблемы демографии, А. Илиева отмечает, что в среднем на 1 км² приходилось по одному франку. Самая высокая плотность франкского населения наблюдается в Элисе и наиболее крупных городах полуострова. Причину же стойкости франкской элиты автор видит в ее сильной сплоченности и корпоративности (с. 169-170).

Другой не менее важной проблемой, которую поднимает Илиева, является исследование условий встречи завоевателей и побежденных, форм протеста завоевателям и сотрудничества с ними, ибо именно последнее могло вызвать к жизни процесс взаимодействия между ними. А. Илиева отмечает, что после завоевания у византийцев появляется новое понимание свободы. Если в предшествующий период "свобода" рассматривалась главным образом как фискальная привилегия, в чем А. Илиева солидаризируется с мнением А.П. Каждана, то в XIII в. она понималась как освобождение византийской земли и спасение византийцев от латинян. Однако исследовательница не склонна видеть в Сгурах, Хамаретах, Михаиле Дуке "лидеров греческой национальной партии", которые бы способствовали "подъему национального самосознания". В работе подчеркивается, что до сих пор не найдено ни одного подтверждения их "эллинистического патриотизма" (с. 182). Интересно, что сопротивление само по себе признается формой контакта с завоевателями. Оно не было обусловлено существованием патриотических чувств или национальным самосознанием у пелопоннесских магнатов и архонтов. А. Илиева замечает

тем не менее генезис подобных настроений в более низких социальных группах (с. 185). Сотрудничество греков и франков, по мнению исследовательницы, проявлялось в двух основных формах, граница между которыми сильно размыта: 1) передача информации, которая в значительной степени помогла завоевателям; 2) вступление в армию франков и участие в переделе земли (с. 204-213). Нельзя забывать, что население Пелопоннеса представлено различными социальными группами, поэтому А. Илиева проследживает самые разные реакции на завоевание: от ужаса и открытой борьбы до пассивного сопротивления и постоянной кооперации (с. 185-190).

Оценивая политику франков, А. Илиева обращает особое внимание на инструменты, которые обеспечивали эффективность новой власти. Это механизмы принятия решений, распределения ресурсов и ценностей, принуждения и дисциплины. Тем не менее, устные увещания признаются менее эффективными по сравнению с мечом. Исследовательница показывает, как франкам удалось приспособить свою тактику к географическим и фортификационным особенностям полуострова, как умело они использовали флот в ходе завоевания, как привлекали на свою сторону местное население, как с его помощью строили новые крепости, ставшие настоящими творениями франкской культуры, как учитывали требования материальной среды и местной традиции на всех социальных уровнях (с. 190-

204). Огромное значение для утверждения власти франков имела интеграция греческих архонтов в господствующий класс франков (с. 204-207). Автор признает городской характер франкской "колонизации", что имеет под собой, помимо всего, и психологические основы: завоеватели в меньшинстве и чувствуют себя в безопасности лишь за прочными крепостными стенами (с. 227). Экономическому симбиозу между франками и греками способствовало также развитие международной торговли, пути которой пролегли через территорию Мореи (с. 230-232). Далее А. Илиева приходит к выводу, что наиболее активными в процессе "взаимодействия" оказались средние городские слои Пелопоннеса. Крестьянство в целом осталось за рамками этого процесса. Высшая светская и духовная аристократия тоже по существу была вытеснена из него прежде всего из-за собственного амбициозного поведения (с. 239).

В заключение хотелось бы в высшей степени положительно оценить труд болгарской исследовательницы. Некоторые противоречия и спорные моменты никоим образом не снижают достоинства работы, которая существенно расширила и систематизировала наши знания об одном из основных государств крестоносцев — Франкской Мореи. Кроме того, работа глубоко психологична и написана столь ярко и образно, что может быть интересна не только для специалистов-медиевистов, но и для самого широкого круга читателей.

С.В. Близиук

Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Изд. фирма "Восточная литература", 1994. 158 с.

Недавно вышла в свет новая монография известного российского ученого-византиниста С.П. Карпова. Можно сказать, что книга является продолжением его предшествующей работы "Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли". (М., 1990). В то же время новая монография — самостоятельное, оригинальное исследование, конкретизирующее одну из самых важных сторон коммерческой деятельности итальянских морских республик в Черноморском бассейне, а именно: их навигационную практику. Наибольшее внимание уделяется изучению навигации Венеции, ибо именно эта республика "создала своеобразную и образцовую для своего времени систему навигации" (с. 7).

Монография состоит из введения, шести глав и заключения. Изучение названной темы

является насущной научной задачей по той причине, что развитие мореплавания в значительной степени предопределило и способствовало успешному ведению торговли в XIII–XIV вв. Техническая сторона венецианской навигации достаточно изучена. В связи с этим С.П. Карпов счел необходимым обратиться прежде всего к исследованию ее экономической стороны (с. 8). Обобщающий труд по истории венецианской навигации в Черном море еще не написан. С.П. Карпов поставил перед собой цель восполнить названную лауну и представить на основе архивных материалов и опубликованных источников основные линии развития венецианского мореплавания в Черноморье в XIII–XV вв. (с. 9).

В главе I очень подробно объясняются типы венецианских, генуэзских, византийских кораблей XIV–XV вв., даются их технические